

УДК 811.551+81'367.335.2

А. А. Мальцева

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

**О разных источниках синтетизма
в системах таксисных конструкций
чукотско-корякских языков**

Рассматривается динамика соотношения частотности таксисных полипредикативных конструкций различных структурных типов в текстах на чукотском, корякском и алюторском языках. Выявлен высокий уровень синтетизма в системе таксисных конструкций чукотского языка на протяжении всей его документированной истории, возникший, вероятно, преимущественно под влиянием древних контактов с эскимосским языком. В корякском и алюторском языках синтетизм в системе таксисных конструкций прослеживается заметно меньше, тенденция к синтетизму появилась во второй половине XX в., скорее всего как результат контактов с русским языком и разрушения исконного механизма эргативной кореферентности. Результат лингвистического анализа, связанный с возможным влиянием эскимосского языка на синтетизм в системе чукотских таксисных конструкций, подтверждается значительным генетическим сходством чукчей и эскимосов.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, эскимосский язык, полипредикативная конструкция, таксис, языковые контакты.

В статье представлены результаты исследования динамики частотности различных структурных типов таксисных полипредикативных конструкций (далее ППК) в чукотском, корякском и алюторском языках.

Описываются структурные типы таксисных ППК и их морфологическая база в чукотско-корякских языках, выявляются общие и уникальные синтетические и аналитические средства выражения таксисных отношений, в сопоставительном аспекте рассматривается соотношение частотности разных структурных типов таксисных ППК в текстах разных периодов и дается попытка объяснения выявленных закономерностей.

Мальцева Алла Александровна – ведущий научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, доцент кафедры русского и общего языкознания Новосибирского государственного университета (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alla.maltseva@mail.ru)

Сибирский филологический журнал. 2015. № 2
© А. А. Мальцева, 2015

1. Структурные и функциональные типы таксисных ППК в чукотско-корякских языках

В соответствии с классификацией, принятой в Новосибирской синтаксической школе [Структурные типы..., 1986, с. 24], таксисные ППК в чукотско-корякских языках могут быть трех структурных типов: синтетического, аналитического и аналитико-синтетического.

В синтетических ППК отношения зависимости между событиями выражаются формой зависимого предиката, в аналитических – аналитическим средством связи, скрепой, входящей в состав зависимой предикативной единицы (далее – ЗПЕ), в аналитико-синтетических ППК присутствуют как инфинитная форма предиката ЗПЕ, так и скрепа. К аналитическим таксисным ППК мы относим также незначительное количество бессоюзных сложных предложений, в которых временное отношение между двумя событиями, чаще всего следование, передается только при помощи порядка предикативных единиц.

Главное и зависимое события в таксисных ППК могут находиться в отношениях одновременности (главное событие совпадает во времени с зависимым), следования (главное событие следует за зависимым), предшествования (главное событие предшествует зависимому). В традиции Новосибирской синтаксической школы конструкциями следования называются такие, в которых событие главной предикативной единицы (ГПЕ) следует за событием ЗПЕ, а конструкциями предшествования – такие, в которых событие ГПЕ предшествует событию ЗПЕ, поскольку прагматический смысл употребления таксисной ППК видится в необходимости более точного размещения коммуникативно важного, главного события на временной оси. Оно локализуется относительно одного из известных, но ситуационно второстепенных событий, которое избирается в качестве ориентира и маркируется как зависимое (ср. иную трактовку в [Типология таксисных конструкций, 2009, с. 21–22]).

1.1. Синтетические ППК. В синтетических таксисных ППК отношения зависимости между событиями выражаются формой предиката ЗПЕ (чаще всего – неизменяемый конверб, в редких случаях – причастие, девербатив или финитная форма с особым деривационным показателем).

Наиболее частотны в качестве зависимых предикатов таксисных ППК конвербы – неизменяемые инфинитные формы деепричастного типа. Многие из них представляют собой «падежные формы глагола», поскольку для их образования непосредственно к основе глагола присоединяется показатель одного из косвенных падежей, часто одновременно с префиксом или циркумфиксом акциональной или модальной семантики.

Из падежных форм, участвующих в образовании конвербов, наиболее активны локатив и инструменталис, а также формы комитативов и отрицательная форма, хотя последние, в силу их семантики, включаются в падежные парадигмы не всеми исследователями чукотско-корякских языков.

Между корневой морфемой и падежным показателем конверба могут включаться постфиксы способов глагольного действия, уточняющие семантику зависимого предиката. Особенно частотны они в чукотском языке. В следующих примерах в локативный конверб включены постфиксальные показатели инхоатива, диминутива и финитива.

(1) чук.; ФС

{Ярак пыкэрыножаатык}, [люур узвыскэт ярайты ытыогъэ]. (Чукотские сказки, 1987, с. 67)

jara=k	рәкeг=э=җo=qaat=э=k	luur	җewəsqet
дом=LOC	прибыть=E=INCH=DIM=E=CV.loc	вдруг	женщина
jara=jrә	җәto=yʔe		
дом=ABL	выйти=3sgS.PFV		

‘(Когда он) стал немного приближаться к дому, из дома вдруг вышла женщина.’

(2) чук.; ФС

{Румэкэвыплыткук уэлвъл}, [ярагы агтаннэн]. (Чукотские сказки, 1987, с. 71)

r=umek=ew=э=plәtku=k	җelwәl	jara=yʔә	aytan=nen
CAUS=вместе=VBLZ=E=FIN=CV.loc	стадо	дом=LAT	гнать=3sgA+3sgP

‘Закончив собирать стадо, домой его погнал.’

«Падежные» конвербы могут также употребляться в качестве лексических компонентов аналитических конструкций (АК) сказуемого, некоторые из них способны функционировать и как предикаты простого предложения. Чукотские конвербы, которые могут входить в АК, М. Данн называет «производными глагольными базами» (derived verb base) [Dunn, 1999, p. 239–241].

Несколько выпадает из этой функциональной схемы конверб одновременного действия с показателем =*ma*, имеющийся во всех трех языках, но частотный только в чукотском и корякском. В аллюторском языке данная форма, возможно, является заимствованной, поскольку примеры с ней единичны.

(3) чук.; Ф30

{Эмтэма} [оравэтян милгэтги]. (Тынэтэгын, 1940, с. 10)

emte=ma	ʔorawetʔa=n	mily=et=yʔi
нести на спине=CV.sim	человек=ABS.sg	огонь=VBLZ=3sg.PFV

‘Когда медведь нес его, то человек зажег (спичку).’

(4) кор., чавч., пах.; ФС

[Гыммо, {калеченма}, унмык тыувок зонпыу лэв’тытг’ылык]. (Аймык, 2010)

yәmto	kaʃe=ʃen=ma	unmәk	tә=җvo=k
я	пестрота=VBLZ.intens=CV.sim	сильно	1sgS=начать(ся)=3sgS.PFV
qopraḡ	lewta=thәl=әk		
всегда	голова=болеть=CV.loc		

‘Когда я училась, у меня сильно начала болеть голова.’

(5) ал., с.-в., выв.; ФС

{Тәлама} [иви]: Маукәтә җа әнүн татамйунәнат В’алвәмтил?әнти Йаҗйаҗ.

(Песучен, 2004)

tәla=ma	iv=i	maḡ=kәtә	qa	әnḡ=in
идти=CV.sim	сказать=3sgS.PFV	который=ADV	же	этот=REL.sg
ta=tamjuḡә=na=t		walv=ә=mtil?=ә=nti		
1sgA.CON=обмануть=3nsgP=DU		ворон=E=существо=E=ABS.du		
jaq=jaq				
чайка=ANS.sg.red				

‘По дороге (букв.: идя) подумал: «Как же мне обмануть Человека-ворона и чайку?»’

Синхронно суффикс =*ma* не находит прямых аналогов в падежной парадигме имени кроме того, что он входит в циркумфиксы двух комитативных падежей (*yа* – =*ma* (чук., кор.), (*y*)*awән* – =*ma* (кор., ал.). Тем не менее в корякском и чукотском языках он может присоединяться не только к глагольным основам, но и к пропозитивным именам, обычно названиям праздников, для обозначения

фонового события, которое включает множество разнообразных действий. В грамматиках такие случаи не отмечены.

(6) кор., чавч.; ГС

[*Мучгинэт иччетым энанв'алэлн,авгыг'э*] {фестивальма}... (Народовластие, 31.08.1995)

muçγ=ine=t	iççet=ət	
мы.OBL=POSS.nsg=DU	отряд=ABS.du	
ena=n=walelη=av=γəhe		festival=ma
AP=CAUS=интерес (?)=VBLZ=3duS.PFV		фестиваль=SIM (?)

‘Два наших коллектива вызвали интерес во время фестиваля...’

(7) кор., чавч., пах.; ФС

Килвай купкийыу, [витку џанко мыткоџолау... ыпатык {килвайма} ынџин тымъён]. (Аймык, 2010)

kilvaj	ku=pkij=ə=η	vitku џан=ko
праздник Килвай.ABS.sg	PRES=прибывать=E=PFV	впервые там=LOC
mət=ko=ηvo=la=η	əp=at=ə=k	
1nsgS=PRES=начать=PL=PFV	похлёбка=VBLZ=E=CV.loc	
kilvaj=ma	əηη=in	təm=jo=n
праздник Килвай=SIM (?)	этот=REL.sg	убить=PASS=ABS.sg

‘Праздник Килвай приходит, только тогда начинаем варить, во время праздника Килвай, эту тушу.’

Возникает вопрос, дают ли такие примеры основание для включения постфикса =*ma* в падежную парадигму чукотского и корякского языков, например, как показателя *симультатива*. Вероятно, такая интерпретация возможна, так как подобные примеры демонстрируют реализацию механизма свертывания пропозиций, характерного для многих агглютинативных языков, в которых падежные формы функционируют как средство выражения зависимости как в полипредикативных конструкциях, так и в простом предложении. В чукотско-корякских языках транскатегориальное употребление характерно практически для всех форм косвенных падежей за исключением эргатива.

Акциональные префиксы, наряду с падежными показателями формирующие структуру и семантику конвербов, могут восходить к частицам или основам качественной семантики: *em= / am=* ‘только’; *ewən= / awən=* ‘уже, действительно’; *teη= / taη=* ‘красивый, прекрасный’; *tur= / tor=* (чук., ал.) / *tuj= / toj=* (кор.) ‘новый’, *meç= / maç=* (чук.) ‘хороший’. Некоторые акциональные префиксы, например эмфатический префикс *pəʃ=*, дезидеративный циркумфикс *re= – =η* (чук.) / *je= – =η* (кор.) / *ta= – =η* (ал.) не этимологизируются.

Особенностью чукотского языка является использование в качестве средства связи в таксисных ППК именного пространственного постфикса =*taηn* с исходной семантикой локализации в непосредственной близости от ориентира (в глоссах – AD). Постфикс =*taηn* имеет широкое распространение в именных словоформах с основами, обозначающими физические ориентиры.

(8) чук.; Ф50

Н'энку к'аатагнык, гытгык к'ача, пэньёлгын нэтэйкын... (Беликов, 1979, с. 190)

ηen=ku	qaa=taηn=ə=k	γətγ=ə=k	qaça
тот=LOC	олень=AD=E=LOC	озеро=E=LOC	около
pen=joʎγ=ə=n		ne=tejk=ə=n	
зола=вместилище=E=ABS.sg		LowA=делать=E=3sgP	

‘И там, рядом с оленями, около озера, они сделали кострище.’

Данное отношение локализации может переноситься в сферу эмоций, и аффикс *=taɥn* присоединяется к качественным основам, обозначающим внутренние черты характера человека.

(9) чук.; Ф50

Айылгытагнык вакъогъат ук'к'эмэчыку. (Беликов, 1979, с. 99)

ajəɥ=ə=taɥn=ə=k wakʔo=ɥʔat uqɕeme=čəku
трусливый=E=AD=E=LOC сесть=3pl.PFV глубокая посуда=IN
 'Со страхом (букв.: рядом с трусливым) сели (братья) в котел.'

При включении аффикса *=taɥn* в словоформу местоимения он подвергается грамматической метафоризации и обозначает предел во времени.

(10) чук., ФС

...ынкатагнэпы Ан'к'акван'ав ынкьам н'эвмиргык'эй паагъат гытэтык.
 (Чукотские сказки, 1975, с. 86)

ən=ka=taɥn=epə aŋqakvaŋaw ənkʔam ɲew=miɣ=ə=qej
он=OBL=AD=ABL pers и женщина=дед=E=DIM
 раа=ɥʔat ɥətʔ=et=ə=k
 перестать=3pl.PFV голодный=VBLZ=E=CV.loc
 'С тех пор Анкакванав и бабушка перестали голодать.'

Конвербы с данным показателем также имеют семантику временного предела. Характер временного предела уточняется падежной формой конверба.

(11) чук.; Ф50

[Ныгитэк'ин, мин'кыри нымытвагъат {торпэлятагната н'ан н'эвыск'этэ}].
 (Беликов, 1979, с. 162)

n=ə=ɥite=qin miŋkəri nəm=ə=twə=ɥʔat
 IPF=E=смотреть=3sgP как поселок=E=VBLZ.res=3plS.PFV
tor=peɭa=taɥna=ta ɲan ɲewəsɕet=e
новый=оставить=AD=CV.instr там женщина=INSTR
 'Смотрит, как стали жить они, сразу после того, как оставила она их там, женщина.' (левый временной предел)

(12) чук.; Ф50

[Блнунин {волъытвэтагнэты} уайэты тылэзри]... (Ятгыргын, 1963, с. 48)

əŋɲin wolqə=twə=taɥn=etə ɲaj=etə təɭe=ɥʔi
 этот темный=VBLZ.inc=AD=CV.lat гора=LAT приходит=3sgS.PFV
 'Этот к самой темноте на гору пришел...' (правый временной предел)

Это уникальный для чукотско-корякских языков случай грамматикализации показателя локализации и использование его в темпоральном значении. Многочисленные адлокативные наречия, которые могут выполнять функцию пространственных послелогов, маркирующих несопространственную локализацию, в сфере выражения таксисных отношений между событиями в чукотско-корякских языках не переносятся.

В табл. 1 приводятся сопоставительные данные по наличию синтетических форм, функционирующих в качестве предикатов зависимой части таксисных ППК, в каждом из трех чукотско-корякских языков. Жирным шрифтом выделены совпадающие во всех трех языках формы.

Чукотский язык в два раза превосходит корякский и алюторский языки по количеству синтетических форм, которые используются в качестве зависимых

Таблица 1

Синтетические средства связи в таксисных ППК
чукотско-корякских языков

Грамматический статус	Форма зависимого предиката		
	Чукотский язык	Корякский язык	Алюторский язык
AD=CV.abl	<i>Tv=taɣn=epə</i>		
AD=CV.lat	<i>Tv=taɣn=etə</i>		
AD=CV.loc	<i>Tv=teɣn=ək</i>		
CV.abl	<i>Tv=ɣəpə</i>	<i>Tv=ηqo</i>	
CV.com1	<i>ɣe=Tv=te</i>	<i>ɣe=Tv=te</i>	<i>ɣa=Tv=ta</i>
CV.com2	<i>ɣa=Tv=ma</i>	<i>ɣa=Tv=ma</i>	
CV.com3	<i>(ɣ)awən=Tv=ma</i>	<i>(ɣ)awən=Tv=ma</i>	
CV.com4	<i>ɣejqə=Tv=te</i>	<i>ɣejqə=Tv=te</i>	<i>ɣeqə=Tv=ta</i>
CV.com5			<i>ɣa=Tv=?a</i>
CV.com6	<i>ewən=Tv=te</i>		
CV.com7		<i>ɣajqə=Tv=ma</i>	
Уже=AD=CV.loc	<i>ewən=Tv=teɣn=ək</i>		
Уже=CV.lat	<i>awən=Tv=ɣtə</i>		
CV.conc	<i>Tv=mačə</i>	<i>Tv=mačəŋ</i>	<i>Tv=masa / =masəŋ</i>
CV.dat1		<i>Tv=η</i>	<i>Tv=η</i>
CV.dat2			<i>Tv=kaŋa</i>
CV.instr	<i>Tv=te</i>	<i>Tv=te</i>	<i>Tv=ta</i>
CV.lat	<i>Tv=ɣtə</i>	<i>Tv=jtəŋ</i>	
CV.loc	<i>Tv=ək</i>	<i>Tv=ək</i>	<i>Tv=ək</i>
CV.neg	<i>e=Tv=ke</i>	<i>e=Tv=ke</i>	<i>a=Tv=ka</i> (+Taux=IND)
CV.neg=LAT	<i>a=Tv=ka=ɣtə</i>		
CV.sim	<i>Tv=ma</i>	<i>Tv=ma</i>	<i>Tv=ma</i>
DES=CV.dat		<i>ja=Tv=η=kəŋ</i>	<i>ta=Tv=η=kəŋ</i>
DES=CV.loc			<i>ta=Tv=η=ki</i>
DES=CV.sim	<i>ra=Tv=ηə=ma</i>		
EMPH=CV.neg			<i>a=pəɬ=Tv=ka</i> (+Taux=IND / POT)
NMLZ.abstr=ABS			<i>Tv=ɣəŋə=ək</i>
NMLZ.abstr=LOC	<i>Tv=ɣəŋə=ək</i>		
NMLZ.instr=EQU	<i>Tv=ineŋ=u</i>	<i>Tv=ineŋ=u</i>	<i>Tv=inaŋ=u</i>
PP _{3п1} =LOC		<i>ɣe=Tv=leŋ=ki</i>	<i>ɣa=Tv=laŋ=ki</i>
ATR	<i>Tv=lʔ=//</i>		<i>Tv=lʔ=//</i>
REL=CV.dat			<i>Tv=kina=η</i>
Каждый=CV.loc		<i>ɣemye=Tv=ək</i>	<i>ɣamyə=Tv=ək</i>
Каждый=CV.sim	<i>ɣamyə=Tv=ma</i>		
Красивый=уже=AD=CV.loc	<i>teŋ=ewən=Tv=teɣn=ək</i>		
Красивый=уже=CV.conc	<i>taŋ=awən=Tv=mačə</i>		
Красивый=уже=CV.lat	<i>taŋ=awən=Tv=ɣtə</i>		
Красивый=CV.com3	<i>taŋ=awən=Tv=ma</i>		
Красивый=CV.instr	<i>teŋ=Tv=te</i>	<i>teŋ=Tv=te</i>	<i>taŋ=Tv=ta</i>
Красивый=CV.lat	<i>taŋ=Tv=ɣtə</i>		
Красивый=CV.loc	<i>teŋ=Tv=ək</i>		
Красивый=CV.sim	<i>taŋ=Tv=ma</i>		
Красивый=только=CV.instr	<i>teŋ=em=Tv=te</i>		
Красивый=только=CV.loc	<i>teŋ=em=Tv=ək</i>		
Новый=AD=CV.abl	<i>tor=Tv=taɣn=epə</i>		
Новый=AD=CV.instr	<i>tur=Tv=teɣne=te</i>		
Новый=уже=CV.conc	<i>tor=awən=Tv=mačə</i>		
Новый=CV.conc	<i>tor=Tv=mačə</i>		

Окончание табл. 1

Новый=CV.instr	<i>tur=Tv=te</i>	<i>tuj=Tv=te</i>	<i>tur=Tv=ta</i>
Новый=CV.lat	<i>tor=Tv=ytə</i>		
Новый=CV.loc	<i>tur=Tv=ək</i>	<i>tuj=Tv=ək</i>	
Новый=CV.sim	<i>tor=Tv=ma</i>	<i>toj=Tv=ma</i>	
Новый=NMLZ.instr=EQU	<i>tur=Tv=ineŋ=u</i>	<i>tuj=Tv=ineŋ=u</i>	<i>tur=Tv=inaŋ=u</i>
Только=CV.dat			<i>am=Tv=ŋ</i>
Только=CV.instr	<i>em=Tv=te</i>	<i>em=Tv=te</i>	<i>am=Tv=ta</i>
Только=CV.lat	<i>am=Tv=ytə</i>		
Только=CV.loc	<i>em=Tv=ək</i>		
Только=CV.sim	<i>am=Tv=ma</i>	<i>am=Tv=ma</i>	
Только=DES=CV.instr	<i>em=re=Tv=ŋ=e</i>	<i>em=je=Tv=ŋ=e</i>	<i>am=ta=Tv=ŋ=a</i>
Только=новый=CV.loc	<i>em=tur=Tv=ək</i>		
Хороший=новый=CV.instr	<i>meč=tur=Tv=te</i>		
Хороший=новый=CV.loc	<i>meč=tur=Tv=ək</i>		
Количество форм	50	25	25

предикатов таксисных ППК, прежде всего конвербов. Это происходит за счет большего количества комбинаций и вариативности имеющегося набора морфем в рамках конвербов в чукотском языке. В чукотском языке обнаружено 32 формы, которые не встречаются больше ни в одном из языков, в алюторском языке зафиксировано семь таких форм, в корякском – одна.

Выявлено 13 конвербов, общих для всех трех языков. Чукотский и корякский языки имеют семь общих форм, корякский и алюторский языки – четыре формы, чукотский и алюторский языки – одну форму.

1.2. Аналитические ППК. Среди аналитических средств связи между частями темпоральных ППК в чукотско-корякских языках нет первообразных союзов. Эти средства связи формируются на базе наречий, частиц и модальных слов, которые во всех языках составляют основу для образования новых союзов [Прияткина, 2007, с. 154]. Для обобщенного обозначения этого класса разнородных единиц наиболее подходящим является термин «скрепа», предложенный М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [Черемисина, Колосова, 1987, с. 70].

Больше всего аналитических скреп обнаружено в алюторском языке, меньше всего – в чукотском. Из семи общих скреп наиболее частотными во всех трех языках являются скрепы *tite / tita* ‘когда’, *kitkit* ‘как только, едва’, *jeppə / jappə / jep* ‘еще’ (табл. 2).

Таблица 2

Аналитические скрепы,
использующиеся в таксисных ППК чукотско-корякских языков

Аналитические скрепы			Перевод
Алюторский язык	Корякский язык	Чукотский язык	
<i>ajevaq</i>			‘вдруг’
<i>akinum tita</i>			‘если когда’
<i>aqan</i>			‘хоть’
<i>aqan tita</i>			‘хоть когда’
<i>asüi</i>		<i>eçyi</i>	‘сейчас’
<i>awən(-ʔat/-ʔak)</i>	<i>ew(əŋ)</i>	<i>ewəŋ</i> <i>ewər</i>	‘действительно, уже’
		<i>ewər kitkit</i>	‘действительно едва’

Окончание табл. 2

		<i>ewər tite</i>	‘действительно когда’
<i>ən=ki</i>			‘тут’ (букв.: в нём)
<i>ənkət</i>			‘так’
<i>ənjə</i>			‘так’
<i>ənjə jappə</i>			‘так еще’
<i>ənjə van</i>			‘так ведь’
<i>ətawət</i>			‘теперь’
	<i>emeč</i>		‘уже’
<i>japlu</i>			‘а еще’
<i>jappə</i>	<i>jeppə</i>	<i>jep</i>	‘еще’
<i>jappə kitkit</i>			‘еще едва’
<i>jaqi</i>	<i>jaqqe</i>		‘позже’
<i>kəta</i>	<i>kəta</i>	<i>kəte / kəta</i>	‘а как, а когда’
<i>kəta maŋŋas</i>			‘а когда’
<i>kəta tita</i>	<i>kəta tite</i>		‘когда’
<i>kəta van</i>			‘все равно’
<i>kəta van tita</i>			‘все равно когда’
	<i>kəta vitku</i>		‘а когда сразу’
<i>kitkit</i>	<i>kitkit</i>	<i>kitkit</i>	‘как только, едва’
<i>małkit</i>	<i>małkit</i>		‘едва’
<i>maŋ=ina=məs</i>			‘как только, по мере того как’
<i>maŋ=iŋas</i>	<i>meŋ=iŋeč / t</i>		‘когда, поскольку’ (букв.: который=хватит)
<i>maŋ=ka=məs</i>			‘как только, по мере того как’
<i>maŋ=kət</i>			‘как’
		<i>miŋkəri</i>	‘как’
<i>maŋ=ki</i>			‘когда’ (букв.: где)
<i>ŋan=ək</i>			‘тогда’ (букв.: в том)
<i>ŋan=ka=kina=k</i>			‘в то время’ (букв.: в тамошних)
<i>pəsa</i>	<i>pəče(-qun)</i>		‘пока’
	<i>pəča kəta tite</i>		‘пока когда’
<i>qənut</i>			‘как будто’
	<i>qej meŋ=iŋeč/t</i>		‘хоть когда’
	<i>qej tita</i>		‘хоть когда’
<i>qeqən</i>			‘якобы’
<i>qinʔam</i>			‘тут же’
<i>tita</i>	<i>tite</i>	<i>tite</i>	‘когда’
		<i>tite ewər</i>	‘когда действительно’
<i>tita jappə</i>	<i>tite jeppə</i>		‘когда еще’
	<i>tite ŋan</i>		‘когда там’
<i>tita vitku(-ʔat)</i>	<i>tite vitku</i>		‘когда сразу’
<i>van</i>			
<i>vitya</i>			‘прямо’
<i>vitku(-ʔat)</i>	<i>vitku</i>	<i>wətku</i>	‘сразу’
<i>vitku tita</i>	<i>vitku tite</i>	<i>wətku tite</i>	‘сразу когда’
		<i>wətku ewər</i>	‘сразу действительно’
<i>vitku=kin</i>			‘впервые’ (букв.: сразушний)
<i>waj</i>			‘вот’
43	20	13	Количество скреп

В главной части ППК со скрепами могут использоваться обстоятельства темпоральной семантики, усиливающие таксисное значение. Например, в алюторском языке в ППК со скрепой *kitkit* ‘как только, едва’, выражающей быстрое следование реальных событий, используются наречия *vetya* ‘прямо’ (в значении ‘сразу’) и *mural(a)* ‘быстро’.

(13) с.-в., тым.; Ф30

{*kitkit na-pela-n petə=ra-k əŋ,an,j,ŋ,us*}, [*vetya ənno qutt-i to enat-o tə.tva.tə-sqev-ne-naw*]. (Кибрик и др., 2000, текст 2, предл. 10)

kitkit na=pela=n pet=ə=ra=k
едва LowA=оставить=3sgP старый=E=дом=LOC
 ə(n)=ŋaŋŋus **vetya** ənno qut=ti to enat=o
 он=в одиночку **прямо** он встать=3sg.PFV и петля=ABS.pl
 t=ə=tva=t=ə=sqev=nena=w
 CAUS=E=находиться=VBLZ=E=PER=3sgA+3nsgP=PL

‘Как только оставили одного в старой землянке, он сразу встал и пошел ставить петли.’

Некоторые скрепы в современных текстах используются чаще, чем в текстах середины века, и среди них скрепа *pəsa* ‘пока’, которая как средство выражения ограничительной одновременности стала более употребительной под влиянием русского языка. Исконно такая семантика передавалась конвербами.

(14) ал., с.-в., выв.; ФС

{*Пəса этту энкəтə гатицтəнəлџивлацина*}, [*Бутцəнцəбунак калил?эн асунау ганимтивлин*]. (Песучен, 2004)

pəsa ətt=u ənkətə ɣa=tiŋtəŋə=lqiv=laŋina qutqəŋŋaqu=na=k
пока они=ABS.pl так PP=бороться=INCH=3plS pers=SG=LOC
 kali=lʔ=ən aʃu=na=ŋ
 узор=ATR=ABS.sg горбуша=SG=DAT
 ɣa=n=imti=v=lin
 PP=CAUS=нести за спиной=VBLZ=3sgP

‘Пока они так боролись, Куткыннюку пеструю нерпу на горбушу погрузил.’

1.3. Аналитико-синтетические ППК. Аналитико-синтетические таксисные ППК формируются за счет объединения в ЗПЕ синтетического средства выражения зависимости и аналитической скрепы, уточняющей тип таксисного отношения. Обычно в таких конструкциях используются конвербы недифференцированной семантики, чаще всего – локативный конверб.

(15) чук.; Ф50

[*Нэмэ, {вытку вулк’итвик} рагтыгьэ*]. (Беликов, 1979, с. 112)

пеме **wətku wulq=ə=twi=k** га=ɣt=ə=ɣʔe
 снова **сразу темный=E=VBLZ.inc=CV.loc** дом=VBLZ=E=3sgS.PFV

‘Снова, как только стемнело, домой пришел.’

Никаких специфических конвербов или аналитических скреп, характерных только для аналитико-синтетических ППК, в чукотско-корякских языках не обнаружено.

Аналитико-синтетические таксисные ППК находятся на периферии системы, их частотность в текстах невелика.

2. Динамика развития таксисных ППК в чукотско-корякских языках

Рассмотрим соотношение конструкций разных структурных типов по их частотности в текстах разных периодов в трех чукотско-корякских языках.

На материале алюторского языка была выявлена тенденция роста синтетизма в системе таксисных ППК, обусловленная влиянием грамматической системы номинативно-аккузативного русского языка и изменением механизмов кореферентности [Мальцева, 2010]. Исконно наиболее популярный тип синтаксической кореферентности по абсолютиву при тотальном билингвизме носителей алюторского языка дополнился разными типами семантической кореферентности (моносубъектности), что привело к смене ведущего структурного типа таксисных ППК алюторского языка: вместо аналитических стали преобладать синтетические конструкции, преимущественно маркирующие кореферентность партиципантов главного и зависимого действий.

Особенно сильно изменения затронули конструкции с семантикой одновременности, имеющие в алюторском языке больше синтетических моделей, поскольку именно этот тип таксисных ППК алюторского языка как формально, так и функционально соответствует моносубъектным русским конструкциям с деепричастием несовершенного вида, обладающим высокой частотностью. По данным Национального корпуса русского языка¹ при поиске в основном корпусе (на 10 марта 2015 г.) глаголов в форме деепричастия несовершенного и совершенного вида выборка деепричастий показывает, что частотность деепричастий в форме несовершенного вида (1 422 009 вхождений) более чем в два раза превышает частотность деепричастий в форме совершенного вида (625 083 вхождения).

Таким образом, более частотные деепричастные конструкции русского языка повлияли на рост частотности конгруэнтных синтетических конструкций с конвербами в алюторском языке, что изменило соотношение аналитических и синтетических таксисных ППК.

Этот результат был получен при подсчете данных по времени сбора материала: весь массив оригинальных текстов был разделен на три группы, соответствующие трем крупным коллекциям разных периодов (архивные материалы С. Н. Стебницкого 1928 г., архивные материалы И. С. Вдовина 1955 г. и наши экспедиционные материалы с 1992 по 2010 г.). При таком методе подсчета частотности данная тенденция связана с современным состоянием алюторского языка (диагр. 1).

Возможен иной способ подсчета данных, который позволяет более точно определить время начала процесса синтетизации в системе алюторских ППК под влиянием русского языка, – это подсчет по году рождения информантов. При таком методе подсчета часть архивных данных, записанных от информантов старшего поколения, смещается на более ранние периоды, современные данные, собранные от информантов разного возраста, распределяются на разные периоды, в том числе на 1930-е и 1950-е гг. (Ф30 и Ф50).

Этот способ статистической обработки данных показывает, что выявленная тенденция роста синтетизма появилась в алюторском языке гораздо раньше – еще в послевоенный период, ее фиксация в современных текстах демонстрирует актуальность данного процесса для современного алюторского языка. Привлечение художественных, переводных и газетных текстов, в которых влияние русского языка прослеживается заметно сильнее и доля синтетических ППК возрастает, подтверждает наши выводы, полученные на материале фольклорных текстов (диагр. 2).

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>

Диаграмма 1

Соотношение таксисных ППК разных структурных типов в оригинальных текстах на северо-восточном диалекте алыторского языка (по времени сбора материала)

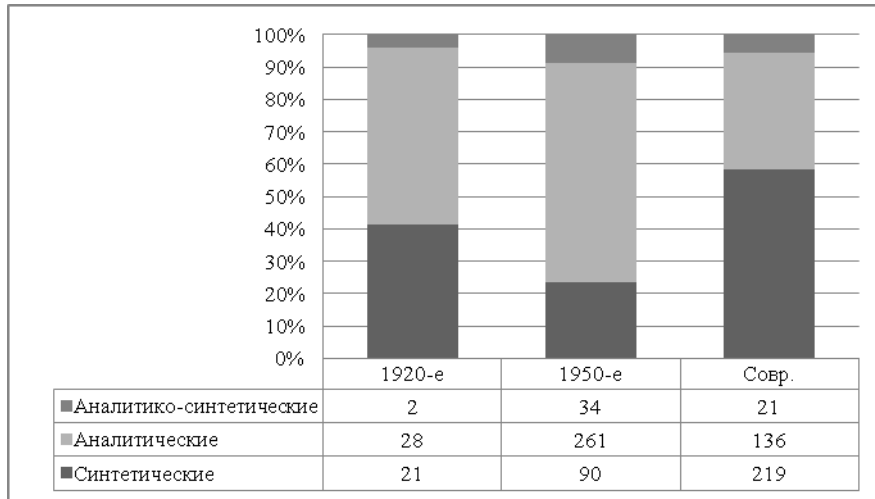
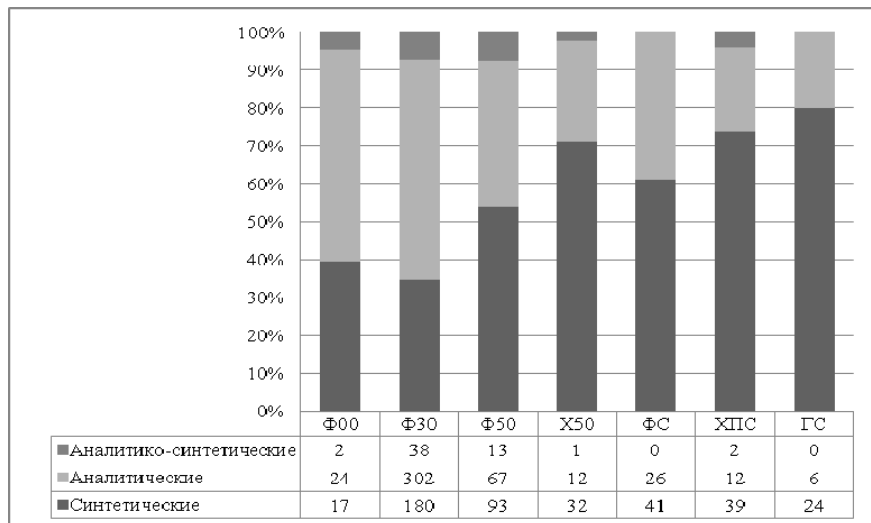

Диаграмма 2

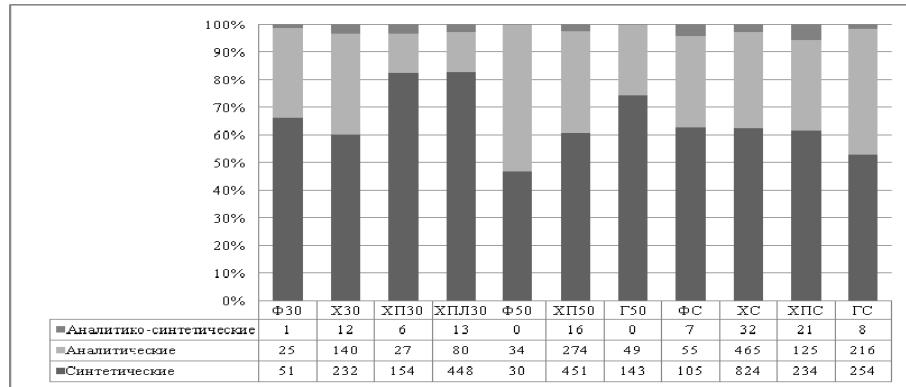
Соотношение таксисных ППК разных структурных типов в текстах на северо-восточном диалекте алыторского языка (по возрасту информантов)

В корякском языке, как следует из диагр. 3, синтетизм таксисных ППК, вероятно также обусловленный влиянием русского языка, обнаруживается еще в довоенных текстах, особенно заметен он в переводных текстах 1930-х гг. В отличие от алыторского языка, нарастания данной тенденции в корякском языке не наблюдается.

Диаграмма 3

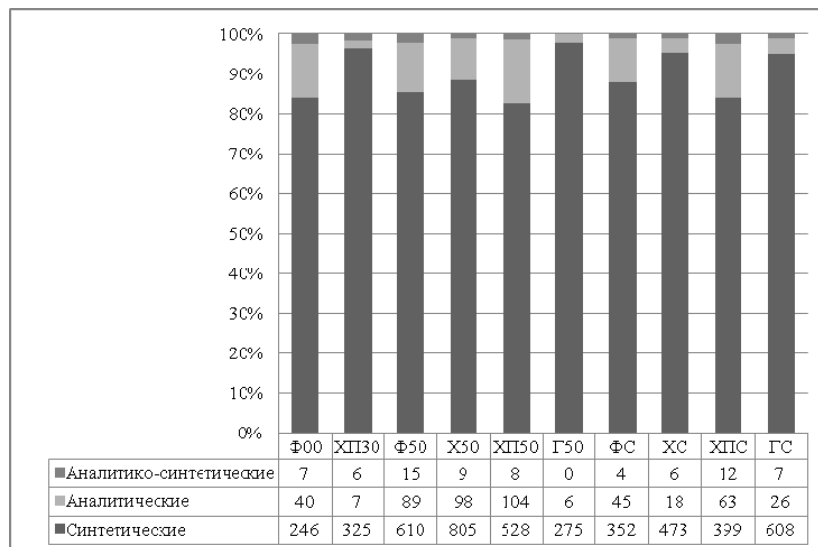
Соотношение таксисных ППК разных структурных типов в текстах на чавчувенском диалекте корякского языка

Чукотский язык (диагр. 4) отличается от корякского и алыторского очень высоким общим уровнем синтетизма в системе таксисных конструкций на протяжении всего XX в. Даже в фольклорных текстах, записанных В. Г. Богоразом на рубеже XIX–XX вв., в которых влияние русского языка исключено (Ф00 в диагр. 4), частотность синтетических конструкций превышает 80 % от общего количества таксисных ППК. В письменных текстах, особенно переводных и газетных, синтетизация приближается к 100 %, и это уже, несомненно, обусловлено воздействием письменной формы русского языка.

Диаграмма 4

Соотношение таксисных ППК разных структурных типов в текстах на чукотском языке

Высокий уровень синтетизма в системе таксисных ППК чукотского языка, вероятно, определяется не только контактами последних нескольких столетий с русским языком, а более древними контактами с эскимосским языком, в результате которых чукотский язык во многих подсистемах, в том числе и в сфере поли-

предикации, демонстрирует заметно больший синтетизм по сравнению с родственными корякским и алюторским языками.

3. О чукотско-эскимосских языковых контактах

Чукотско-камчатские языки распространились в основании п-ва Камчатка примерно четыре тысячи лет назад [Fortescue, 1998, p. 40; 2005, p. 3]. Носители чукотско-камчатских языков, основным видом промысловой деятельности которых была охота на дикого оленя, пришли на эту территорию с запада по побережью Охотского моря. Выход части этноса (предков чукчей) на тихоокеанское побережье и начало дивергенции чукотско-камчатского языкового сообщества связывают с периодом от начала нашей эры [van der Voort, 1996, p. 1073] до IV–V вв. [Askerman, 1984, p. 17] или даже до VII в. нашей эры, примерно 640 г. [Мудрак, 2011, с. 9].

В этот период чукчи вступили в интенсивные и долговременные (три-четыре столетия) контакты с азиатскими эскимосами, языковая общность которых примерно в то же самое время распалась на чаплинский и науканский языки [Мудрак, 2011, с. 9]. Инфильтрация в древнеэскимосскую этническую среду, отраженную в древнеберингоморской археологической культуре, внутриконтинентального чукотского населения, связанного с усть-бельской археологической культурой, согласно палеоантропологическим данным происходила в первой половине I тыс. н. э. [Диков, 1979, с. 212; Беневоленская, 1988, с. 87; История Чукотки..., 1989, с. 53]. Н. Н. Диков на основании анализа пегтымельских иероглифов даже говорил о существовании чукотско-эскимосской хозяйственно-культурной общности [Диков, 1969].

Предками коряков, вероятно, являлись носители токаревской культуры, которая возникла в середине II тыс. до н. э. на североохотском побережье на основе континентальных племен Прибайкалья, вышедших на побережье, а также древних культур Приморья и Приамурья [Тураев, 2010, с. 303]. На основе токаревской культуры в первой половине I тыс. н. э. сформировалась древнекорякская (охотская) культура, просуществовавшая до XVII в. [Васильевский, 1971, с. 31; Лебединцев, 2010, с. 67].

Обособление отдельных групп коряков происходило в процессе перехода к оседлости и морскому зверобойному промыслу, заимствованному у эскимосов [Вдовин, 1973, с. 262]. Формирование групп кочевых коряков-чавчуменов было последним этапом в этногенезе коряков и произошло в XI–XVI вв. в результате заимствования отдельными группами оседлых коряков оленеводства у тунгусов.

Чукотско-эскимосские контакты сопровождались ассимиляцией эскимосов на п-ве Чукотка. Более поздние языковые контакты с юкагирами (с XIV в.) и эвенами, которые начались примерно 150 лет назад, а также с айнами, по мнению М. Фортескью, значительных лингвистических последствий не имели [Fortescue, 2005, p. 3]. Примерно такую же оценку дает Б. Комри ранним, до создания чукотской письменности, чукотско-русским и чукотско-английским контактам, которые сопровождались заимствованиями в наиболее узком смысле: заимствованием и освоением русской лексики или созданием новых лексических единиц по собственным словообразовательным моделям для именованья новых объектов и концептов. Эскимосско-чукотское языковое взаимодействие было гораздо более интенсивным: вследствие численного преимущества чукчей и использования чукотского языка в качестве лингва франка на крайнем северо-востоке Сибири оно привело к серьезному влиянию чукотского языка на эскимосский [Comrie, 1996, p. 34–40]. В языке азиатских эскимосов насчитывается более 200 заимствованных из чукотского языка лексем, преимущественно относящихся к периферийной лексике. Более половины из них составляют дискурсивные элементы (час-

тицы, союзы, модальные слова, междометия, наречия), имеются также имена и незначительное количество глаголов [Меновщиков, 1967, с. 228–229, 269–272; de Reuse, 1994, р. 330, 343–409]. Список заимствованных из чукотского языка частей является примерно одинаковым для всех языков эскимосского корня на Чукотке, в частности языков науканских и сиреникских эскимосов. Хотя эти языки не являются взаимно понятными, они заимствовали из чукотского сходные наборы лексем, что, возможно, свидетельствует об их переносе не напрямую из чукотского языка, а из существовавшего в XIX в. на Чукотке «торгового жаргона» на эскимосской лексической базе, инвариантно включавшего набор чукотских частей и личных местоимений. Этот идиом использовался для чукотско-эскимосских контактов в регионе, а также для контактов между отдельными группами эскимосов [de Reuse, 1996, р. 49, 58].

По поводу изменений в синтаксисе эскимосского языка в связи с заимствованием служебной лексики имеются точки зрения. Н. Б. Вахтин приводит мнение Г. А. Меновщикова и В. де Рузе, что появление заимствованных служебных слов привело к постепенной редукции исконных синтетических средств выражения грамматических значений ([Вахтин 1995, с. 216] со ссылкой на [Меновщиков, 1967, с. 228; de Reuse, 1988, р. 619 ff]). В другой работе В. де Рузе, однако, указывает, что заимствованные грамматические элементы, в частности союзы, не повлияли на перестройку эскимосского субординативного синтаксиса: заимствованные союзы употребляются наряду с инфинитными глагольными предикатами, замещения монофинитных полипредикативных конструкций бифинитными не происходит [de Reuse, 1994, р. 417–420], поскольку в языке азиатских эскимосов синтетизм в сфере соединения предикативных единиц в рамках большего целого является приоритетным, хорошо воспроизводимым механизмом. По наблюдениям самого Н. Б. Вахтина, в повествовательных текстах на эскимосском языке полипредикативные предложения, объединенные в длинные цепочки, существенно преобладают по частотности над монопредикативными предложениями [Вахтин, 1995, с. 11–12], а союзы, как исконные, так и заимствованные, часто являются в значительной мере дублирующим, избыточным средством, поддерживающим отношение зависимости между предикативными единицами, уже выраженное синтетической инфинитной формой глагола [Там же, с. 223]. Интересно, что такую же функцию несут и аналитические скрепы в аналитико-синтетических конструкциях чукотско-корякских языков.

Обратное влияние эскимосского языка на чукотско-камчатские было не настолько материально очевидным, но системно очень существенным. Чукотско-корякские языки получили структурные заимствования в виде субъектно-объектной глагольной парадигмы, эргативности, двойственного числа [Fortescue, 1997; 2005]. Эти элементы грамматической системы сформировались еще в период чукотско-корякской языковой общности, так как они имеют отношение ко всем языкам. Исключение составляет двойственное число, которое есть в корякском и северных диалектах алоторского языка, но отсутствует в чукотском языке. На этом основании А. П. Володин считает, что в контакты с эскимосами первыми вступили пракорякские племена, испытывавшие, по его мнению, наибольшее контактное системное влияние эскимосских языков: инновативное переосмысление показателя множественного числа в двойственное и надстройка других экспонентов в качестве показателей множественного. Прачукотские племена этих контактов избежали, так как в чукотском языке нет никаких следов двойственного числа [Володин, 2005, с. 11]. Вопрос о материальном облике аффикса множественного числа в чукотском языке *-t*, полностью идентичном эскимосскому (дв. *-k*, мн. *-t*), в этом случае остается открытым.

После распада чукотско-корякской языковой общности корякский и алоторский языки ареально сдвинулись к югу и их прямые языковые контакты с эскимос-

сами прекратились, в то время как чукчи продолжали активное взаимодействие с эскимосами. Возможно, именно поэтому эскимосский язык стал источником и других важных в типологическом отношении изменений, характерных только для чукотского языка, например тенденции к синтетизму во многих подсистемах чукотского языка.

Чукотско-эскимосские связи, в отличие от корякско-эскимосских, подтверждаются генетическими исследованиями. В работах конца 1990-х гг. говорилось, что генетическая дифференциация монголоидных популяций Сибири и Дальнего Востока согласуется не с лингвистической, а с ареальной их классификацией. С учетом значений внутри- и межпопуляционного нуклеотидного разнообразия коряжки проявляют более выраженное генетическое сходство с эвенами и юкагирами, а чукчи – с эскимосами [Деренко, 1997, с. 16–21]. Это означает, что, воспринимая элементы эскимосско-алеутской культуры во время своей экспансии, группы предков коряжков и ительменов активно не включали в себя людей из этих племен, в то время как чукчи, наоборот, активно ассимилировали сибирских эскимосов, что способствовало значительной передаче генов, поэтому чукчи генетически стали отличаться от коряжков [Schurr et al., 1999, p. 13, 33]. В работах последних лет генетики сообщают, что по изменчивости митохондриальной ДНК чукчи занимают промежуточное положение между азиатскими эскимосами и группой других народов Дальнего Востока, в которую входят коряжки и ительмены, а также тунгусо-маньчжурские народы негидальцы, ульчи, удэгейцы и изолированная группа ареально примыкающих к этому региону нивхов [Sukernik et al., 2012, p. 134–135].

Таким образом, результаты нашего исследования в целом согласуются с данными археологии, палеоантропологии и генетики.

Выводы

Синтетизм в системах таксисных ППК чукотско-коряжских языков имеет два разных источника: он является результатом языковых контактов с эскимосским или русским языками. В чукотском языке синтетизм в сфере полипредикации проявляется максимально сильно и прослеживается в течение всей документированной истории чукотского языка. Вероятно, это является результатом древних контактов чукотского языка с полисинтетическим эскимосским языком, в котором исконная система таксисных ППК была устроена по «алтайскому» принципу, т. е. являлась синтетической. Влияние русского языка на чукотский проявляется в письменных, особенно переводных и газетных текстах, в которых доля синтетических таксисных ППК возрастает еще сильнее.

В коряжском и алюторском языках синтетизм в системе таксисных ППК прослеживается заметно меньше, чем в чукотском, выявленная тенденция к синтетизму появилась во второй половине XX в., в послевоенный период, и, вероятно, является следствием влияния русского языка и разрушения исконного механизма эргативной кореферентности.

Результаты лингвистического анализа подтверждаются данными других наук, в частности генетики, согласно которым чукотско-эскимосские контакты отличались интенсивностью и значительным заимствованием чукотским этносом эскимосского генетического материала.

Список литературы

Беневоленская Ю. Д. Арктическая раса (проблема формирования) // Расы и народы. Вып. 18. М., 1988. С. 75–91.

- Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск: Наука, 1971. 250 с.
- Вахтин Н. Б.* Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб.: Изд-во Европейского дома, 1995.
- Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 304 с.
- Володин А. П.* Диахроническая модель чукотско-корякской грамматической системы и сопоставление с данными ительменского языка / Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, 2005. 130 с. (Рукоп.).
- Деренко М. В.* Изменчивость митохондриальной ДНК у коряков, эвенов и якутов: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1997. 25 с.
- Диков Н. Н.* Проблема этнической принадлежности пегтымельских иероглифов // Материалы конф. «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. Вып. 1. С. 125–127.
- Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979. 354 с.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1989. 492 с.
- Лебединцев А. И.* Древние культуры Северо-Востока России и этногенез северо-восточных палеоазиатов // Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. С. 46–73.
- Мальцева А. А.* Рост синтетизма в системе таксисных конструкций алюторского языка // Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России: Тез. докл. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2–4 декабря 2010 г. СПб., 2010. С. 37–38.
- Меновицков Г. А.* Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. 2: Глагол, причастие, наречия, служебные слова. Л.: Наука, 1967. 288 с.
- Мудрак О. А.* Эскимосский этимологикон. М.: Тезаурус, 2011. 1324 с.
- Прияткина А. Ф.* Об отличии союза от других связующих слов // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (Синтаксические связи и конструкции): Избр. тр. Владивосток, 2007. С. 151–157.
- Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем: Коллект. моногр. / М. И. Черемисина, Л. М. Бродская, Е. К. Скрибник и др. Отв. ред. Е. И. Убрятова, Ф. А. Литвин. Новосибирск: Наука, 1986. 316 с.
- Тураев В. А.* Этногенез и этническая история [коряков] // Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. С. 303–307.
- Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Знак, 2009. 912 с.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А.* Очерки по теории сложного предложения / Отв. ред. З. Д. Попова. Новосибирск: Наука, 1987. 197 с.
- Ackerman R. A.* Prehistory of the Asian Eskimo zone // Handbook of North American Indians. Vol. 5: Arctic / Ed. by D. Damas. Washington, D.C.: Smithsonian Inst., 1984. P. 106–118.
- Comrie B.* Language contact in northeastern Siberia (Chukotka and Kamchatka) // Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages / Ed. by E. H. Jahr et al. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 33–45.
- De Reuse W. J.* Studies in Siberian Yupik Eskimo Morphology and Syntax: PhD Dissertation. Austin: Univ. of Texas, 1988. 744 p. (Ms.).
- De Reuse W. J.* Siberian Yupik Eskimo: the Language and Its Contacts with Chukchi. Studies in Indigenous Languages of the Americas. Salt Lake City: Univ. of Utah Press, 1994. 480 p.
- De Reuse W. J.* Chukchi, English, and Eskimo: A survey of jargons in the Chukotka Peninsula area // Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages / Ed. by E. H. Jahr et al. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 47–62.

- Dunn M.* A Grammar of Chukchi: Doctoral thesis. Australian National Univ., 1999. 386 p. (Ms.).
- Fortescue M.* Eskimo influence on the formation of the Chukotkan ergative clause // *Studies in Language*. 1997. Vol. 21, No. 2. P. 369–409.
- Fortescue M.* Language Relations across Bering Strait: Reappraising the Archaeological and Linguistic Evidence. L., N. Y.: Cassell, 1998. 251 p.
- Fortescue M.* Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. 497 p.
- Schurr Th. G., Sukernik R. I., Starikovskaya E. B., Wallace D. C.* Mitochondrial DNA variation in Koryaks and Itel'men: Population replacement in the Okhotsk Sea – Bering Sea region during the Neolithic // *American Journal of Physical Anthropology*. 1999. Vol. 108. P. 1–39.
- Sukernik R. I., Volodko N. V., Mazunin I. O., Eltsov N. P., Dryomov S. V., Starikovskaya E. B.* Mitochondrial genome diversity in the Tubalar, Even, and Ulchi: Contribution to prehistory of native Siberians and their affinities to native Americans // *American Journal of Physical Anthropology*. 2012. Vol. 148. P. 123–138.
- Van der Voort H.* History of Eskimo interethnic contact and its linguistic consequences // *Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia and the Americas* / Ed. by S. A. Wurm, P. Muhlhausler, D. T. Tryon. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 1043–1094.

Список текстовых источников и информантов

- Аймык, 2010 – Аймык Лилия Александровна (1970 г. р., Верхние Пахачи). Записано экспедицией Ин-та филологии СО РАН, г. Петропавловск-Камчатский, 2010 г. Расшифровано Т. А. Голованевой при участии Л. А. Аймык, г. Петропавловск-Камчатский, 2011.
- Беликов, 1979 – Беликов Л. В. Лымн'ылтэ: Чукотские народные сказки и предания. 2-е изд. Магадан: Магадан. книж. изд-во, 1979.
- Кибрик и др., 2000 – Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алоторцев. М., 2000.
- Народовластие – приложение Айгыт'ылг'у 'Северяне' газеты «Народовластие», издающейся в Корякском автономном округе.
- Песучен, 2004 – Песучен Людмила Степановна (1952 г. р., Вывенка). Записано экспедицией Института филологии СО РАН, с. Вывенка, 2004 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой, г. Новосибирск, 2004.
- Чукотские сказки, 1975 – Кто самый сильный на земле. Чукотские сказки. На чукотском яз. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1975.
- Чукотские сказки, 1987 – Лыг'оравэтлэн лымн'ылтэ (Чукотские сказки). Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1987.
- Ятгыргын, 1963 – Лымн'ылтэ эйгыск'ыкин (Северные сказки). Гэnumэкэ-линэт В. Ятгыргына. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1963.

Условные обозначения

Языки: ал. – алоторский; кор. – корякский; чук. – чукотский.

Диалекты: чавч. – чавчувенский; с.-в. – северо-восточный.

Говоры: выв. – говор с. Вывенка; пах. – говор с. Верхние Пахачи; тым. – говор с. Тымлат.

Типы текстов: Г50 – газетные тексты 1950-х гг.; ГС – современные газетные тексты; Х30 – оригинальные художественные произведения 1930-х гг.; Х50 – ори-

гинальные художественные произведения 1950-х гг.; **ХП30** – переводы носителей языка 1930-х гг.; **ХП50** – переводы носителей языка 1950-х гг.; **ХПЛ30** – переводы лингвистов 1930-х гг.; **ХПС** – современные переводы носителей языков; **Ф00** – фольклорные и бытовые тексты начала XX в.; **Ф30** – фольклорные и бытовые тексты 1930-х гг.; **Ф50** – фольклорные и бытовые тексты 1950-х гг.; **ФС** – современные фольклорные и бытовые тексты.

Грамматические значения в глоссах: **1, 2, 3** – лицо; **1sg** – 1-е лицо ед. числа; **1nsg** – 1-е лицо неед. числа; **1pl** – 1-е лицо мн. числа; **A** – агенс; **ABL** – аблатив; **ABS** – абсолютив; **AD** – локализация ‘рядом’; **ADV** – наречие; **AP** – антипассив; **ATR** – атрибутив; **CAUS** – каузатив; **CON** – конъюнктив; **COM** – комитатив; **CV** – конверб (форма деепричастного типа); **CV.abl, CV.com, CV.conc, CV.dat, CV.equ, CV.instr, CV.loc** – конвербы, показатели которых восходят к падежным формам (аблатива комитатива, concessiva, датива, экватива, инструменталиса, локатива); **CV.neg** – отрицательный конверб; **CV.sim** – конверб с семантикой одновременного действия; **DAT** – датив; **DES** – дезидератив; **DIM** – диминутив; **DU, du** – двойственное число; **E** – эпентетический гласный; **EMPH** – эмфатический; **EQU** – экватив; **FIN** – финитив; **IN** – локализация ‘внутри’; **INCH** – инхоатив; **INSTR** – инструменталис; **IPF** – имперфект; **LAT, lat** – латив; **LOC** – локатив; **LowA** – агенс, находящийся на нижней ступени иерархии активности; **NMLZ** – номинализатор; **NMLZ.abstr, NMLZ.instr** – номинализаторы с дополнительным значением (абстрактности, инструмента); **OBL** – косвенная основа; **OPT** – оптаив; **P** – пациенс; **pers** – имя собственное; **PASS** – пассивное причастие; **PER** – перегринатив; **PFV** – перфектив; **PL, pl** – множественное число; **POSS** – посессивный; **PP** – предикатив (причастие) прошедшего времени; **PRES** – презенс-имперфект; **red** – редупликация; **REL** – относительное прилагательное; **S** – субъект; **SG, sg** – единственное число; **SIM** – симультатив (одновременность); **VBLZ** – вербализатор; **VBLZ.inc, VBLZ.intens** – вербализатор с дополнительным акциональным значением (инцептив, интенсивность).

Другие сокращения: **Tv** – основа глагола; [...] – границы главной предикативной единицы; {...} – границы зависимой предикативной единицы; // – лично-числовой показатель.

A. A. Maltseva

Different sources of synthesis in the systems of taxis complex sentences of the Chukchi-Koryak languages

This paper examines the frequency dynamics of taxis complex sentences of various structural types in the texts in Chukchi, Koryak and Alutor. The high level of synthesis in the system of Chukchi taxis complex sentences throughout all recorded history of this language is probably influenced by ancient Chukchi-Eskimo contacts. Koryak and Alutor demonstrate comparatively less synthesis, and besides the tendency to synthesis appeared in these two languages only in the 2nd half of the XX century, most likely as a result of contacts with the Russian language and destruction of the primordial ergative coreference mechanism. The result of the linguistic analysis concerning Chukchi-Eskimo contact induced influence on the system of Chukchi taxis sentences is confirmed by great genetic similarity between Chukchi and Eskimo people.

Keywords: Chukchi-Koryak languages, Eskimo, complex sentence, taxis, language contacts.